

Совпадения фамилий героев и действующих лиц в романе совершенно случайны

*Россия-23, Луганск
21 июня года Чёрного Водяного Зайца,
15 часов 10 минут*

Сигнал 11–101 — радиокод спецподразделений Особого назначения ГРУ, означавший «офицер в беде, нуждается в помощи», — был получен в штабе фронтовой разведки под Луганском после обеда. Сообщение сразу же передали наверх, и полковник Шелест ознакомился с донесением через двадцать две минуты. Так как он ожидал сообщения от разведчиков за линией фронта, то поднял все информационные связи, вплоть до спутниковых, в течение сорока минут обрабатывал информацию на компьютерах штаба и уточнил главное: кто являлся посланником сигнала. По всем данным получалось, что это майор Иваненко, выполнявшая задание Шелеста по выяснению местонахождения в рядах ВСУ иностранных наёмников и координат расположения прибывающих из-за рубежа танков и бронемашин.

Майор ГРУ была у Шелеста на особом счету: тридцать один год, за спиной Академия разведки и спецопераций в Гудермесе, блондинка, спортсменка, красавица — всё в одном флаконе, как у героини фильма «Кавказская пленница», только в реальности. Пото-

му он мгновенно привёл в действие рычаги спасения рискующих жизнью специалистов и внезапно столкнулся если и не с саботажем, то с непонятным равнодушием командиров подразделений к возникшей проблеме.

Первый из них, майор Сватов, командующий десантным батальоном, под предлогом отсутствия свободных групп, мол, все на фронте под Авдеевкой, угрюмо отказался послать за линию боевого соприкосновения спецотряд.

Второй, полковник Черненко, командир роты элитного спецназа в составе полка морпехов, тоже сослался на отсутствие десантников нужного уровня.

И даже генерал Майский, зам. командующего фронтом «Север», освобождающим Луганскую губернию и штурмовавшим Харьков, который участвовал вместе с разведчиками в операции по обеспечению войск оперативной информацией, не согласился с доводами Шелеста.

— Нет у меня никого на том участке, — пробурчал он, когда полковник прибыл к нему в село Луки Вечерние, где в данный момент располагался штаб фронта. — Идёт наступление, ты знаешь, все решают намного более масштабные задачи, и снять кого-то с линии для спасения твоего парня я не могу.

— Это... женщина, — сжал зубы Шелест. — Девушка. Выходила к нам, однако нарвалась на поляков в деревушке Малая Рогань. Если не вытащим, можешь представить, что с ней сделают!

— Понимаю, — поморщился Майский, — но всё равно помочь не смогу. Неужели у тебя нет под рукой свободной ДРГ?

— Такого класса — нет.

— Тогда обратись к Рогожину. Он только что отвёл часть своего «Баха» в Луганск для доукомплектации. ЧВК понёс серьёзные потери. А у него есть крутые профи, ты в курсе.

Шелест, собравшийся съязвить: «Хочешь переложить ответственность с больной головы на здоровую?», — передумал.

— Мстители?

— Говорю же, эти мужики прошли огни и воды, где только не воевали, да и здесь творят чудеса.

— Но это частная компания...

— Воюют-то они за нас, за Россию? Давно идут разговоры о том, чтобы перевести «Бах» на контрактную службу, да воз и ныне там. Хочешь, поговорю с Рогожиным? Я хорошо его знаю. Бизнесмен, да, этого у него не отнять, но за Родину пасть порвёт.

Шелест невольно глянул на часы. Прошло уже больше двух часов с момента получения сигнала бедствия, а решения проблемы видно не было.

— Давай.

Майский (сорок восемь лет, круглое, обманчиво добродушное лицо) снял трубку рации кодовой связи.

Штаб был оборудован системой кибербезопасности, его антенны располагались в сотне метров от бункера (использовали углублённую под землю насосную ещё советских времён), и никакие прослушки, дроны с тепловизорами и пеленгаторы ему были не страшны.

Минута ушла на поиск операторами защищённой линии связи с ЧВК. Наконец генералу ответили.

Переговоры с Рогожиным длились всего две минуты, после чего Майский положил трубку и сказал Шелесту, внимательно следящему за мимикой собеседника:

— Николай согласен, есть у него люди. Объясни ему задачу сам.

— Где он?

— Его штаб рядом, в пяти километрах от нас.

— Тогда лучше объясню лично.

— Ты на чём прибыл?

— Броневичок «Выстрел»¹.

— Возьми БТР. Фронт всего в трёх километрах, слышишь, как гремит? Лучше не рисковать с такими делами.

— Хорошо.

Через несколько минут БТР-90 уже мчался по грунтовой дороге, соединяющей деревни со штабами, увозя Шелеста и двух его «гарантов безопасности» к месту расположения ЧВК «Бах».

Украина-23, запад Донбасса

22 июня, час ночи

Пилот выключил двигатель, лопасти вертолётá перестали вращаться, и наступила пульсирующая тишина, подчёркиваемая серией взрывов километрах в десяти от места высадки группы. Это отрабатывала прикрытие десанта фронтóвая артиллерия: пушки, гаубицы, РСЗО «Ураган», принадлежащие ЧВК «Бах». Она отвлекала порядки ВСУ на глубине десяти-двенадцати километров от линии боевого соприкосновения, пока десантная группа Тараса Лобова (оперативный псевдоним Тень) высаживалась в украинском тылу для выполнения задания.

Стрельба стихла, и на лес вокруг опустилась полная тревоги и ожидания тишина.

¹ Броневаá пограничная машина БМ-97. (Здесь и далее прим. авт.)

— Вперёд! — шёпотом скомандовал Тарас.

Через полчаса после высадки группа подошла к нужному объекту и рассредоточилась перед околицей деревни Малая Рогань.

Тарас постучал пальцем по усику рации над углом губ, призывая бойцов сосредоточиться. Ответом были такие же тихие стуки пальцами о микрофоны раций.

— Глаза, уши! — прошептал он, хотя мог бы и не напоминать бойцам их обязанности. Это была далеко не первая десантная вылазка группы за линию фронта, и парни знали своё дело досконально. Подчинялся отряд Лобова командованию ЧВК «Бах», а в их задачи входила ликвидация украино-нацистских зверей в человеческом обличье, прославившихся расстрелом пленных и мирных жителей Донбасса, а также их пытками, от которых нацисты получали жуткое нечеловеческое удовольствие.

Нынешняя операция была разработана для уничтожения польских наёмников, которые несколько дней назад слили в интернет казнь шестерых мирных жителей Малой Рогани, подозреваемых в якобы лояльном отношении к «ватникам». Среди казнённых были и две девочки восьми и десяти лет, и акция польских уродов стала последней каплей терпения их злодеяний. Командир ЧВК, полковник в отставке Николай Рогожин, сам уроженец Луганска, собрал мстителей (так бойцов Тараса называли в компании), и группа отправилась за линию фронта, к Малой Рогани, где разместились рота украинских и польских отморозков, чувствующая себя в полной безопасности.

На место их расположения навела группу разведчица, имя которой Тарасу никто не сообщил. По сло-

вам Рогожина, она работала в прифронтовой полосе, узнавая места дислокации противника, их складов и штабов, и каким-то образом выяснила, где находится польская «шляхта». Выбраться из логова украинских формирований ей не удалось, и группа Тараса должна была решить ещё одну задачу — спасти разведчицу.

Уговаривать никого из группы идти за линию боевого соприкосновения ему не пришлось. Почти все мстители являлись жителями Донбасса, потерявшими близких, а Тарас родился в Днепропетровске двадцать шесть лет назад.

В частную военную компанию он попал, можно сказать, случайно, по совету друга детства Миши Ларина, подавшегося, в отличие от Тараса, мечтавшего стать астрономом, в физкультурный институт в Днепропетровске. Но в 2014 году в Киеве грянул майдан, к власти пришёл русофоб Порошенко, и планы Михаила изменились. Он попал сначала в службу охраны мэра Киева Кличко, будучи хорошо развитым спортсменом, потом разочаровался в системе, пришедшей на Украину сделать страну «самостийной», и в конце концов оказался за пределами Украины, в ЧВК «Бах», владельцем и организатором которой был российский бизнесмен, полковник в отставке Рогожин, уроженец Донецка.

В 2022 году после обращения глав ДНР и ЛНР к президенту России началась специальная военная операция по денацификации и демилитаризации Украины, и частная военная компания, выполнявшая деликатные поручения африканских правительств, вернулась в Россию, чтобы присоединиться к священной войне с неонацистами.

Тарас к этому времени успел закончить физический факультет киевского универа, наметив посвятить свою жизнь изучению космоса, и даже поработал в журнале «Вселенная. Пространство. Время» редактором отдела. Но события в стране развивались в сторону прихода к власти абсолютных отморожков, неонацистов-бандеровцев, Тарас же был русским по крови, и ему пришлось туго, так как, несмотря на наличие друзей-украинцев, нацвласти начали проводить оголтелую кампанию по выдавливанию русских из всех учреждений, которая сменилась парадигмой «Убей русского!».

К Лобовым, жившим в Новомосковске, в десяти километрах от Днепропетровска, пришли «новые укры», потребовали «помочь Родине», то есть отдать ферму отца: старший Лобов занимался сельским хозяйством, выращивал кукурузу. И Тарасу пришлось начать настоящую войну с беспредельщиками. Однако у отца не выдержало сердце, и спустя полгода его похоронили в возрасте пятидесяти лет. За ним ушла и мама Тараса, Валентина Ивановна, не дожив до сорока семи. Вот в этот момент на горизонте и появился Миша Ларин, посоветовав покинуть Украину, пока не поздно, и влиться в ЧВК.

Через месяц Тарас так и сделал.

СВО он начал в качестве рядового «летучего отряда десанта», не имея военного опыта, зато проявляя недюжинную смекалку и владея рукопашным боем системы ШАР¹. Азы Школы он постигал с детства под руководством друга отца Владимира Басова, впоследствии уехавшего в Канаду. Через два месяца Лобову присвоили звание капитана и предложили стать

¹ ШАР — Школа адекватного реагирования.

командиром отдельной группы разведки, сражавшейся под Харьковом, а ещё через полгода он стал командиром группы мстителей, ликвидирующих по заданиям руководства ЧВК наиболее одиозных отморозков нацбатов ВСУ.

Сначала Тарас отнёсся к назначению руководства ЧВК с опаской, не зная, как воспринимать термин «мститель». По его мнению, месть кому бы то ни было относилась к разряду если и не криминальных деяний, то к чему-то запрещённому и морально неправильному. Однако услышав Рогожина, он поменял свои взгляды.

— Мечь, как и любое другое разрушение и дезинтеграция, — говорил полковник, — не является ни добром, ни злом, но может стать тем или другим в зависимости от ситуации и оптимальной оценки. Главное её предназначение — не вернуть утрату и даже не возмездие, а защита! Да-да, защита людей, которых грабитель больше не сможет ограбить, а убийца — убить! Защита детей, защита ещё не рождённых, которые смогут появиться на свет, если убийцу настигнет заслуженное наказание!

Не то чтобы Тарас не принял во внимание слова создателя ЧВК или сомневался в искренности человека, прошедшего огни и воды и знавшего цену жизни, — он не совсем понимал, зачем мстить негодяям, коль повернуть время назад невозможно. Но ему не раз вспоминалась судьба отца и мамы, затем последовала гибель от рук нацистов многих друзей и близких, после чего он наконец осознал смысл термина «месть». Мстители делали *праведное* дело, так как прощать убийц и палачей не следовало ни при каких обстоятельствах.

Добавил тем для размышления и Михаил, когда друзья встретились в очередной раз в Донецке.

— Ты подумай не о тех, кто с наслаждением пытается наших ребят, — сказал белобрысый, невысокий, но стройный и подвижный Ларин, в прошлом гимнаст. — О них можно говорить лишь в отрицательном контексте, не затрагивая так называемых душевных качеств и не рассуждая как либералы, типа «они тоже люди». Они не люди! Головорезы, уроды, твари в человеческом обличье, упыри, убийцы, изуверы, подонки, мучители, палачи, ублюдки, фашисты, бандеровцы, одним словом — укронацисты! Наши доморощенные философы по телевизору говорят, что все люди братья. — Михаил фыркнул. — Не хотел бы я иметь таких братьев! И если мы их не прикончим, они убьют завтра и нас, и наших родителей, и наших детей!

Впрочем, Тарас не спорил с другом, пережив не одну потерю симпатичных ему людей. Не поддерживал он Мишу только в отношении того к командованию российской армии. Ларин считал, что многие провалы спецоперации были рождены исключительно благодаря бездарности генералов и команд из Кремля. Доходили слухи, что не меньше виноваты в медленном продвижении армии и богатенькие буратины России, владеющие заводами и железнодорожными путями Украины, которые и давали «советы» не бить по их «частной» собственности.

Впоследствии они стали служить в одном подразделении, а когда Тараса повысили до звания капитана и сделали командиром отряда, Ларин вошёл в группу как стрелок и классный рукопашник. Кличку Кот дал ему сам Тарас за умение ходить по-кошачьи гибко и бесшумно.